

Подчинение

Автор:

Тальяна Орлова

Подчинение

Тальяна Орлова

Жутко горячие властные пластилинчики

Елена, сотрудница рекламной фирмы, очень скромна. Да она всю жизнь мучается от собственных комплексов! Неожиданное внимание шефа выбивает из колеи. Но когда она попадает в неприятности, то находит выход – обратиться к Максиму Александровичу, которому недавно грубо отказала. И теперь правила изменились: она сама упустила тот шанс, когда Максим собирался учитывать ее интересы. При создании обложки использовано изображение с сайта shutterstock

Глава 1

Я никогда всерьез и не задумывалась, нравился ли мне Максим Александрович. То есть нравился, конечно, как и всем вокруг: такие люди привлекают к себе внимание в любом случае, даже если обладают отвратительным характером. Но Максим Александрович в любом аспекте был приятен: всегда вежлив, терпелив и строг только в такие моменты, когда строгость необходима. Идеальный директор! При этом жгучий брюнет с темными глазами, которые почти всегда прищурены, не слишком улыбочное смуглое лицо, высокий рост – Максиму Александровичу бы мачо в эротическом фильме играть, а не производством рекламных услуг заведовать. Но судьба, к вящему счастью всего персонала, распорядилась иначе и направила его тем путем, коим он и оказался главным человеком в нашем офисе.

Именно всеобщая влюбленность в шефа и послужила предпосылкой для изменения моего положения. Сначала Маргарита Ивановна в шутку заметила, что Максим Александрович выделяет меня – «пялится», ее же собственными словами выражаясь. И ведь нечего больше делать престарелой бухгалтерше, как породить слухи! Но после этого и остальные начали замечать: Максим Александрович, заходя в отдел, постоянно выискивает меня взглядом; Максим Александрович смотрит мне вслед; Максим Александрович никогда не обращается ко мне по имени, как ко всем, – дескать, это признак какого-то особого романтического смущения. И поначалу все это было лишь веселыми шутками, подколками, типичными для любого коллектива. Сама я отшучивалась в ответ, потому как считала происходящее веселой выдумкой – надо же что-то обсуждать при отсутствии более интересных событий. Внимания же Максима Александровича я не замечала – наоборот, казалось, он постоянно был мною недоволен. И его придирки к моей работе совершенно не выглядели придирками, даже если выискивать подводные камни: я, недавно устроившаяся после института, на самом деле еще многого в работе не понимала, я действительно перепутала данные, когда в конце прошлого месяца составляла отчет, я, без всяких там придирок, не отличалась инициативностью и креативным мышлением. Точно такие же замечания делал бы мне любой другой руководитель.

Но все изменилось буквально за один вечер. К концу рабочего дня я жаловалась девчонкам, что мне ехать на другой конец города – сегодня у отца юбилей. Дорога займет часа два, то есть в любом случае опоздаю, а папа терпеть не может оправданий. Татьяна удивилась:

– Ты могла ведь отпроситься! Максим Александрович бы понял – уж в твоём случае точно! – и захихикала, поддерживаемая остальными.

Именно из-за этого я не отпросилась! Словно не хотела лишний раз подчеркивать мое привилегированное положение. Он бы отпустил – ведь не каждый день о таком прошу. Как отпустил бы любую другую. Но в случае любой другой никто бы не выискивал в этом событии тайных знаков...

Я отмахнулась:

– Да ничего! Я тут и двух месяцев не работаю, а уже отпрашиваться! Ладно, позвоню и предупрежу, что сильно опоздаю – лучше по телефону все о себе выслушать.

- Как же так?! - вдруг неестественно громко вскрикнула Аня. - Столько проблем! Может, на такси, чтобы хоть чуть раньше?

Подхватила и Маша:

- Просто ужас! Да ты сейчас только до метро добираться минут сорок будешь!

Я взяла со стола телефон и непонимающе уставилась на них:

- Да ничего страшного...

И, уловив их взгляды, спонтанно обернулась. Там стояла серьезная причина их неожиданной фальши - они решили лишь немного сгустить краски. И Максим Александрович их не разочаровал, зато мне подписал пару смертных приговоров:

- Куда-то опаздываете? Пойдемте, я вас подвезу. Макет доделаете утром.

Я хоть и растерялась, но способность мыслить не потеряла - и потому выбрала самый правильный вариант:

- Спасибо, не нужно. Я сама.

- Настаивать не буду. Маргарита Ивановна, перекиньте мне на почтовый ящик документы, я дома посмотрю.

На юбилей отца я опоздала, отчего он был весь вечер недоволен. При этом никто и не заметил, что брат на торжество вообще не явился. Но мне казалось, что иного пути не было: прими я предложение Максима Александровича, с завтрашнего же дня атмосфера в офисе бы усугубилась. Но выяснилось, что я ошиблась - она усугубилась бы неизбежно. Оказалось, что вчерашнее посчитали чуть ли не признанием в любви. Шутки продолжались, но теперь я чувствовала под ними скрытую злость:

- Твой опять на поставщиков орет!

Татьяна то же самое говорила и вчера, но вчера при этом улыбалась.

- А может, в личной жизни у него не порядок, а, Леночка?

Вот этого вчера не было. Что-то новенькое. И чем дальше, тем больше. Убедив себя окончательно, что под их предположениями есть почва, девочки перестали веселиться и теперь захлебывались ревностью. Один Никита по привычке помалкивал, наверное, всерьез опасался привлечь к себе внимание оголтелой толпы. Еще через пару дней со мной говорили открытым текстом, даже не пытаюсь обернуть в шутку:

- Зря ты, Леночка, из себя скромницу строишь. Хвостом-то вертеть умеешь, как никто!

Это я умею вертеть хвостом?! Да у меня серьезные проблемы, если кто не знает - я из-за своей зажатости уже столько натерпелась! Встречалась в институте с одним парнем: прыщавый, худющий и такой же неуверенный в себе, как и я. Он мне даже никогда особенно не нравился, да только когда подошел, краснея пятнами, я отказать не смогла. Ведь на своей шкуре знала, как живется нерешительным людям! И потом несколько месяцев мусолила эти отношения, потому как боялась, что никому больше не буду нужна. Егор, кстати, бойфрендом был замечательными и во многом мне помог - самооценка от его комплиментов хотя бы немного встрепенулась. Он называл меня красавицей! Не знаю, насколько преувеличивал, но факт остается фактом: при неплохих, в общем-то, внешних данных я никогда не умела себя преподнести. А потому со временем перестала пытаться. На работу ходила в простой и скромной одежде, не красилась, да и сутулилась точно так же, как всегда раньше. Немного найдется мужчин, которые при такой подаче, смогут рассмотреть мои зеленые глаза или неплохие волосы. А если и найдутся, то точно не потому, что я перед ними хвостом крутила! И даже на незаслуженные обвинения я ничего не отвела - что еще добавить про мою закомплексованность?

Через пару дней Максим Александрович ждал меня на выходе из офиса возле своей машины - и это точно не могло улучшить всеобщее настроение. Но что я могла поделаться? Когда окликнул, конечно, подошла.

- Мне нужно с вами поговорить, поэтому давайте я вас все-таки подвезу?

Я обернулась: на крыльце стояла ошарашенная Татьяна, разинув рот. Сил у меня не осталось даже на переживания, поэтому я молча кивнула и села в автомобиль. Пристегнулась. Как только Максим Александрович занял свое место, тихо назвала адрес.

Я снимала квартиру совсем недалеко, поэтому уже через десять минут машина остановилась возле моего подъезда. До этого момента Максим Александрович так ничего и не сказал. И лишь припарковавшись, повернулся ко мне. Я же пялилась в лобовое стекло, боясь еще и раскраснеться.

– Елена, можно, я задам вам личный вопрос? – я глянула на него и тут же снова отвела взгляд. Кивнула. – Вы замужем или встречаетесь с кем-нибудь?

Я некрасиво, как рыба, открыла рот и глотнула воздуха. Потом все же посмотрела на него. Девочки были правы – я ему симпатична! И как серьезный человек он вряд ли начал бы донимать меня в офисе. Максим Александрович, так и не дождавшись ответа, вдруг улыбнулся – я впервые видела такую широкую улыбку на его лице:

– Это просто вопрос, Елена. Чтобы не возникло недопонимания в дальнейшем.

Я совершенно точно ему нравлюсь! От этой мысли почему-то хотелось закричать – слишком много эмоций накатило разом! Да чем я могла привлечь мужчину, в которого влюблены буквально все?! Буквально с первого взгляда! Я ведь не задумывалась всерьез о каких-то возможностях, как разумный человек не мечтает всерьез о браке с известным киноактером!

– Я... нет. В смысле, не замужем...

Большого я из себя выдавить не смогла. Максим Александрович неожиданно нахмурился:

– Хорошо, потому что у меня на вас есть планы. Но бегать я ни за кем не собираюсь, поэтому говорю сразу прямо. И отказ не отразится на вашем положении в фирме.

– Планы?

Возможно, моя реакция его начала раздражать – от улыбки не осталось и следа:

– Да. Но все должно быть по полному взаимному согласию. Я люблю – как бы выразиться, чтобы вы тут же в страхе не сбежали? – э-м-м... доминировать. Долго наблюдал за вами и пришел к выводу, что вам прекрасно подойдет... подчинение.

– Подчинение?

– Да! – он повысил голос. – В постели. В сексе. В жизни.

Я охнула. Вот это неожиданно и неприятно! Оказывается, ему понравились вовсе не глаза или фигура, а моя зажатость! Господи! Это последний гвоздь в крышку моих комплексов. Последняя капля моих многолетних страданий! Я в самом деле провожу впечатление человека, которого хочется заковать в наручники и отшлепать?! Никакой тебе любви, никакой нежности – а только жуткий БДСМ? Черт возьми! Черт меня раздери на куски, чтобы я от стыда перестала существовать!

– Елена? Я ни в коем случае не требую ответа сейчас. Мы могли бы узнать друг друга...

– Нет! Ни за что! – я кричала, но причиной тому было не только текущее настроение – это копилось несколько дней. Сейчас пришло самое время кричать в полный голос, а иначе накопившееся меня бы разорвало. – Кто я, по-вашему?!

– Подождите... – он говорил мягко. Взял меня за запястье, но тут же отпустил и поднял открытую ладонь вверх: «Не трогаю, не трогаю». – Я понимаю, что с нуля – это всегда кажется слишком, но хочу предложить вам просто попробовать. Поверьте, ничего против вашей воли не случится...

– Нет! – рывкнула я. – Да вы мне вообще никогда не нравились! А уж после такого... Это же в голове не укладывается! В нормальной голове такое не укладывается, слышите? Да вы же просто...

Я скривилась от отвращения, а потом вылетела из машины. Только в подъезде остановилась и начала дышать. И тут же себя винить – какая глупая детская

реакция! Максим Александрович открылся и ни к чему ведь меня не принуждал. Достаточно было ответить спокойно: «Меня это не интересует». Или что-либо другое! А я его фактически в лицо извращенцем назвала. Да еще и так истерично. Это просто нервы – нервы сдали в самый неподходящий момент. Завтра обязательно зайду в его кабинет и извинюсь. Просто скажу: «Извините за вчерашнее», и на этом вся история будет закончена.

Но утром, когда я положила бумаги от Маргариты Ивановны шефу на стол и сказала запланированное, Максим Александрович совершенно без эмоций глянул на меня и ответил:

– Не извиняйтесь. Вы мне вообще ничего не должны, если это выходит за рамки рабочих обязанностей.

Я улыбнулась облегченно и вышла из кабинета.

Как Максим Александрович и обещал, его отношение ко мне не изменилось. Или нет? Со временем шутки в коллективе стали стихать, будто отмирали сами собой без подпитки. И однажды Аня, забывшись, мечтательно сказала – совсем как в самом начале:

– Интересно, у него есть невеста? А то все в работе, в работе. Такое тело без дела пропадает!

– Ага, – поддакнула Маргарита Ивановна. – Я уж думала, он к нашей Леночке равнодушен, да уже как-то и не смотрит на нее... Девочки, а может быть такое, что он гей?

– Не-е-ет! – возмутилась Маша.

– Да-а-а, – в тон возразила ей Катя. – С этой мыслью жить намного легче!

Татьяна тоже в стороне не осталась:

– Никит, а ты как думаешь, наш красавчик гей или не гей? У тебя глаз на такое не наметан?

– Не знаю я. И я женат, если вы не в курсе! – буркнул Никита. Все были в курсе, просто мало тут кому приходило в голову, что и без подколок можно прожить.

Через месяц никто про нас шефом не фантазировал – ни в качестве шутки, ни с ревностью. Потому что Максим Александрович перестал давать малейший тому повод.

Глава 2

Денис, мой брат, с подросткового возраста приносил одни только неприятности. А еще говорят, что все зависит от воспитания. Ха! – только и ответила бы я таким грамотеям. Разве нас с Денисом воспитывали разные люди в разных условиях? Но он, будучи младше на три года, уже с первого класса отставал в учебе, а с десятилетнего возраста чуть ли не ежедневно огорошивал родителей очередной неприятной новостью: то он подрался, «защищая честь прекрасной дамы», то совершенно заслуженно обматерил учителя, то случайно попался полицейским, когда они с друзьями разбирали беседку в детском саду, чтобы развести костер.

Ни о каком институте родители даже не заикались, и без того были рады, что Денис хотя бы аттестат получил и до сих пор не вляпался во что-то на самом деле серьезное. Самым же удивительным было то, что и родители, и я его безумно любили. Вот бывают такие люди, в которых ничего на первый взгляд хорошего не найдешь, но в их присутствии будто все оживают. Возможно, брат не отличался излишней серьезностью, но при этом всегда был добродушным пареньком, умеющим извиняться и признавать свои ошибки. Быстро забывалось и то, что ошибок накопилось уже столько, что пора бы кому-то о них и вспомнить... но стоило Денису улыбнуться и извиниться, как очередной счет обнулялся.

Но в середине сентября раздался тревожный звонок от мамы – Денис куда-то пропал. Он часто пропадал раньше, на пару дней, но на этот раз о нем не слышно уже неделю. Телефон отключен, ближайšie друзья не в курсе... В полиции заявление приняли, но участковый, который про моего непутевого родственничка знает не понаслышке, без зазрения совести ухмылялся. Мама не злилась на него – тоже надеялась, что поводов для паники пока нет.

Само собой, первой в голову пришла мысль, что брат наконец-то догнал свои неприятности, которые так долго и упорно догонял. Я места себе не находила, и на работе была рассеянной.

– Елена, будьте любезны, соберитесь, – сказал Максим Александрович, когда я в очередной раз неправильно набрала текст.

Я извинилась, это в последние пару дней уже вошло в привычку. Девочки, давно забывшие про старое напряжение, узнав о проблеме, пытались поддержать.

Кажется, я подсознательно ждала плохих новостей. А если этот балбес явится, как ни в чем не бывало, точно врежу ему от всей души! Я за пару дней накрутила себя до состояния натянутой струны. И, когда посреди ночи в мою дверь отчаянно задолбили, подскочила, успев за долю секунды представить самое худшее. На пороге стоял Денис! Я сначала обняла его, а уже потом осмотрела: брат был живой, но не в полном смысле этого слова. Лицо разбито в кровь, щека ненормально раздулась и лопнула на скуле, а руку он болезненно прижимал к груди.

– Что...

Он ввалился внутрь и здоровой рукой захлопнул дверь. Я мгновенно собралась, сейчас не лучший момент для обморока:

– Иди в зал, я аптечку принесу. Рука сломана?

– Наверное, – протянул Денис. – И дышать больно. Но нет, в больницу мне пока нельзя!

Об этом я и без его комментариев догадалась. Села рядом, достала вату и смочила вонючей перекисью – хоть раны обработать, потом стянем БФ-клеем. Будет жутко больно, но Денис заработал и не такое наказание. Зато к утру он уже будет выглядеть намного лучше, вот только что с рукой делать? Поскольку вопросы я так и не сформулировала, Денис начал объясняться сам:

– Вляпался я, сестренка. По самые помидоры! И теперь не знаю, что делать – хоть с балкона твоего сигай.

- Первый этаж. Подождет. Утром матери позвонишь, она места себе не находит!
И потом уже сигай.

- Ленчик... Я это... короче, вляпался!

- Это я уже слышала. Жду подробностей.

Он скривился, увидев в моей руке тюбик, но возражать против экзекуции не стал. Через пару минут пытка осталась позади.

- Короче, слушай. Андрюха работенку подогнал - ну... Ты только сразу не ори, а до конца дослушай. Короче... это... мет толкать.

- Наркотики?! - я вытаращилась на него.

- Угу. Добро пожаловать в реальный мир, сестренка. Но дело вообще не в мете... Дали мне, короче, место - возле ночного клуба: стоишь себе, не отвечаешь, клиентура сама знает, где искать и сколько стоит. Думал, просто подзаработаю на хату, от родичей съеду - все им полегче. Короче...

- Давай уже на самом деле короче! - не выдержала я.

- А там неподалеку другая точка. Ну, вообще не наша территория. Прогуливаюсь я себе мимо, гляжу, а толкача на смене нет. И пара нариков по стенам шкерятся, ждут. Вот я и думаю, помогу людям... пока толкача нет. Помог. Клиенты довольны, я с выручкой. На другой день думаю, снова помогу. А меня уже братки местные увидели и поймали. Короче, объясняли долго и больно, что нельзя на чужой территории свой мет толкать. Я так-то сразу понял, а они все объясняли и объясняли. Потом товар и бабло отобрали. Прихожу я, значит, к поставщику, а он прямо взбесился похуже предыдущих - там вообще одни психи! Я ему, видите ли, чуть ли не третью мировую войну с конкурентами развязал, ему, видите ли, теперь жопы всему району вылизывать, чтобы никаких претензий не осталось... Выгнал он меня, но с долгом. И неделю щедро подарил.

У меня сердце рухнуло вниз:

- Сколько?

- Два ляма.

- Долларов? - глупо переспросила я.

- Рублей! Стало легче?

Я покачала головой, прикидывая в уме. Друзья у Дениса примерно такая же оторвань - они помогут, но больше сотни не соберут, даже если свои истрепанные жизнью почки продавать начнут. У меня на карточке десять тысяч, и следующая зарплата положение не слишком улучшит. Родителям можно рассказать, но у них свободных денег никогда не бывает. На какую сумму я смогу взять кредит? Денис тем временем продолжал:

- Они адрес мой знают, понимаешь? Я б вообще отсюда утек, но они к родным придут. Мамке... могут что-нибудь сделать, понимаешь?

В этом весь Денис и есть: проблема на проблеме да проблемой погоняет. Но сбежать и оставить нас под угрозой не смог бы, хоть его на части резать будут. И ко мне бы не пришел, если бы было куда пойти. Я решительно встала:

- Собирайся, поедem в травмпункт. У тебя же есть неделя? За неделю что-нибудь решим.

- Да что мы там решим? - он устало отмахнулся. - Я подумал, может, тачку угнать?

- Придурок!

- А что делать-то еще? Умирать?

- Для начала гипс. Через неделю и умрешь, но с гипсом.

Возможно, оттого, что хоть с кем-то поделился, Денис и сам заметно успокоился. В травмпункте выяснили, что перелома нет, но ушиб будет болеть долго - а ему и это радостная новость.

С утра началась свистопляска. Маме по телефону сказала, что Денис подрался – ничего страшного, поэтому ей приезжать не стоит. И ему очень стыдно, что заставил ее переживать. Сообщать родителям о проблеме будем в последнюю очередь. В обеденный перерыв сорвалась в банк. Там ответили, что могут выдать не больше трехсот тысяч. Я оформила кредит, пытаюсь не задумываться о процентах и своей зарплате, которая сильно подтаяла на годы вперед. Денис вечером сказал, что обзвонил всех приятелей – общими усилиями к концу недели смогут собрать почти двести тысяч. Это намного больше, чем я ожидала! И до сих пор не хватало полтора миллиона.

Денис решил пойти к дилеру этой же ночью – отдать пока хотя бы часть, пусть видит, что он отнесся серьезно! И, может быть, тогда получится выторговать еще пару недель. Вернулся домой с новым синяком и без хороших новостей. Сполз по двери вниз, зажал голову руками и разрыдался. А он, кажется, даже маленьким не плакал. Когда все закончится, я сверну ему шею! Но пока только села рядом и обняла.

Через два дня, когда его лицо уже не выглядело так страшно, устроился в кафе – посуду мыть. Он и сам понимал, что это не выход – просто хотел показать мне, что переосмыслил установки. Сказал, что хотя бы кредит поможет выплачивать. Тогда же вернулся к родителям. Дни отщелкивались так быстро, что не давали времени даже варианты в голове перебрать.

В пятницу я застыла перед входом в офис. Уже опаздывала, но никак не могла взять себя в руки. Максим Александрович отчитает, но это первое мое опоздание, поэтому я подарила себе еще несколько минут заторможенности. Стояла и разглядывала его машину. Сколько стоит такая модель? Эта глупая, ни к чему не приводящая мысль, вертелась в голове, будто замкнулась в круг.

– Елена?

Я обернулась.

– Здравствуйте, Максим Александрович. Извините за опоздание.

Он холодно окинул меня взглядом с головы до ног.

– Я пожалею, что спросил, но что с вашим лицом?

Понятия не имею! Зареванное? Невыспавшееся? Или решительное? Я сделала шаг к нему:

- Максим Александрович, у меня дома небольшие проблемы...

- Точно. Пожалел, что спросил.

И он пошел мимо меня – вероятно, собирался ехать на деловую встречу. Я судорожно схватила его за локоть:

- Вы можете занять мне денег? В смысле, под зарплату, конечно.

- Я не кредитор, Елена. Хотел бы посмотреть на такие лица – работал бы в банке.

- Максим Александрович, пожалуйста!

Он все же остановился, я отпустила руку. Промелькнул знакомый прищур вкупе с незнакомой улыбкой.

- Сколько нужно?

- Полтора миллиона.

- Долларов? – вот! Так и знала, что мой вопрос Денису не был таким уж и нелепым!

- Рублей.

- Я не кредитор. В долг не даю никому. Я только плачу за работу.

Понимая, что другого выхода нет, и прямо сейчас он уедет, я решилась окончательно:

- Я... вы тогда были заинтересованы в... Я...

Улыбка поползла в сторону, глаза сузились еще сильнее:

– В машину. Там обсудим.

Думала, что от волнения упаду, но почувствовала прилив сил. Да, я о таком варианте раньше не думала, но разве Максим Александрович мне не нравился, разве я не считала его сексуальным, разве мне придется заставлять себя его желать? А его странные наклонности... Ну что ж, можно пережить, если Дениса этим выручу.

В машине попыталась смотреть прямо – теперь уже поздно сдавать назад. Но не выдержала и потупила взгляд.

– На меня смотри, – Максим Александрович перешел на ты. Я подчинилась, но от этого только больше смутилась. – Уверена?

– Да... Да! – повторила, чтобы прозвучало тверже. Но изнутри раздирали сомнения – мне даже некогда было подумать, на что я соглашаюсь!

– Условия?

– Я... я не люблю боль, – поняла, что сейчас последний шанс выдвинуть хоть какие-то требования. – Но готова терпеть... в пределах разумного.

– Секс?

– Д... да.

Он усмехнулся:

– Ты понимаешь, что именно это я тебе предлагал месяц назад?

– Понимаю.

– В глаза смотри, – он не повышал голоса, но говорил холодно. – Все эти условия уже неактуальны.

- Вы... больше не заинтересованы?..

Он смотрел так пристально, будто наслаждался моим смятением:

- Заинтересован. Но на других условиях.

- Каких?

- Теперь не будет никаких правил. И срок - это будет не один раз, а, скажем, неделя. Обещать могу только то, что ты останешься живой и здоровой. Во всем остальном - никаких правил.

Воображение нарисовало семь кругов ада - как фотоснимком отпечатало. Я всхлипнула:

- Зачем вы так?

- Потому что мне нужен интерес. Я тебе не нравлюсь, а значит, ты уйдешь сразу после этого срока. Соответственно мне незачем строить из себя паиньку. Не нужно делать так, чтобы тебе понравилось, не надо вовлекать в Тему, не надо ни в чем себе отказывать. Потому и условия другие.

Он ведь сказал «живой и здоровой»? Значит ли это, что каких-то особенных увечий не предполагается?

- Согласна, - но голос мой дрожал.

- Тогда переезжаешь ко мне. Можешь уйти в любой момент. Но деньги получишь только через семь дней.

Я сжалась от отчаяния:

- Деньги... они нужны завтра. Крайний срок.

Максим Александрович рассмеялся:

– Так дело не пойдет! Выходите, Елена, мне нужно ехать. И забудьте об этом разговоре.

Какие гарантии я могу ему дать? У меня даже квартира съемная!

– Я... расписку могу дать! У нотариуса заверим! Если уйду раньше, то останусь вам должна!

Он снова посмотрел на меня, а я обрадовалась, что он не окончательно потерял интерес к сделке.

– Ты так и хочешь сделать из меня кредитора! У кого-нибудь из родных есть недвижимость?

– Да, – обреченно согласилась я.

– Вот тогда жду расписки от них. А срок увеличивается до двух недель.

– Ладно.

– Не «ладно», а «все, что захотите», – он беззастенчиво смеялся. – И пока ответ не принимается. Подумай хорошенько и звони только в том случае, если других выходов не найдешь. Потому что я, поверь, точно не лучший для тебя вариант. Не после твоих признаний в этой же машине раньше. Уж это я тебе гарантирую.

Глава 3

– Так и будешь стоять на пороге, как контуженная?

Я нерешительно переминалась с ноги на ногу. Это было достойное завершения ужасного дня. Еще вечером я отправилась к родителям и рассказала им ту часть правды, которая была необходима. Денис, смиренно потупив взгляд, и не думал возражать. Нет ничего страшного, если они этому переростку решат наконец-то всыпать ремня! И пока маму не хватил удар, сообщила, что проблему решить

можно: мой начальник готов занять необходимую сумму. Единственное его требование – залог имущества. Родители размышляли недолго и согласились, они не усмотрели в просьбе Максима Александровича ничего подозрительного. «Мы все ему вернем! – говорили они. – Какой великодушный человек, даже проценты не назначил!»

Самым отвратительным было наблюдать, как они его еще сердечно благодарили за помощь, вручая в юридической конторе расписку. Со стороны его жест действительно выглядел щедрым – помог в безвыходной ситуации. Но я не могла оценивать ситуацию объективно: в случае, если не выдержу установленных двух недель и сбегу, моя семья потеряет квартиру. Даже Денис не заподозрил неладное – так был рад разрешению собственной проблемы. Легкомысленный идиот, считающий, что все блага сами валяются ему на голову!

Дела были улажены, и по договоренности я вечером собрала сумку и отправилась по названному адресу. Максим Александрович открыл дверь и отступил, пропуская внутрь, а я все никак не могла решиться. Потому и мялась на пороге.

– Или сделай еще шаг, или разворачивайся и уходи, – сказал раздраженно.

Будто сам не знает, что уйти я не могу! Он не зря связал меня по рукам и ногам... пока в переносном смысле. А теперь стоит, наслаждается властью! Красивый. Одетый непривычно – футболка и спортивные штаны. Такой домашний... и такой совсем незнакомый.

Я заставила себя пройти, бросила сумку под вешалкой. Квартира ожидаемо оказалась шикарными апартаментами: огромная гостиная, высокие узкие окна сразу с двух сторон, а там, дальше – двери в другие комнаты. Чтобы наладить хоть какой-то диалог, пробубнила:

– Извини, что так поздно, – я в самом деле тянула время до последнего. Оттягивала неизбежное. Но соглашение все-таки не нарушила – явилась без четверти двенадцать.

Он подтолкнул меня в спину, вынуждая пройти дальше.

– Запоминай: обращаться только на вы, в квартире называть «господин», за пределами – по имени-отчеству, не переспрашивать, не спорить, не кончать, пока не разрешу. Это, как минимум, значит, что мастурбация без разрешения запрещена. До сих пор все понятно?

Я смотрела на него расширенными глазами. Мастурбация? Последнее, что я собиралась тут делать! Выдавила:

– Да... господин.

И почувствовала себя нелепо – одно это слово делало всю ситуацию какой-то неестественной.

Максим обошел меня, сел на диван, раскинул руки по спинке.

– Теперь раздевайся.

Вопрос застрял в горле, я успела его подавить. Разве не на подобное я настраивалась почти целый день? Расстегнула верхнюю пуговицу блузки.

– Быстрее. Сегодня у меня нет настроения тянуть. Будем считать это предварительным знакомством.

Пальцы задрожали, но я повиновалась. Быстро скинула блузку, потом стянула юбку и бросила на пол. Замерла на секунду – и без его торопящего взгляда понимала, что должна раздеться полностью. Расстегнула бюстгальтер, закрыла глаза, снимая с плеч лямки.

– Смотри на меня!

Сняла трусики, не прерывая зрительного контакта, и тоже откинула. Тело дрожало от нервного напряжения.

– Убери руки, не закрывайся.

Он встал, подошел ближе. Положил ладонь мне на грудь и несильно сжал. Потом уцепил пальцами сосок и немного потянул. В этом движении не было ничего

нежного или эротичного – Максим изучал меня, как новую игрушку. Повернул спиной к себе, провел пальцами по позвоночнику, заставив всю сжаться, потом снова развернул к себе лицом.

– Ты куришь? Отвечай.

– Нет, господин.

– Девственница?

– Нет, но...

– Я не интересовался подробностями. Хронические заболевания?

Такого стыда я, кажется, за всю прошлую жизнь не испытывала.

– Нет.

– Когда были месячные?

– Что?

И тут же получила пощечину – не слишком сильную, но от неожиданности вскрикнула.

– Не переспрашивать, не задавать вопросов. Уже забыла?

– Я... пять дней назад...

– Пьешь противозачаточные?

– Н... нет.

– С сегодняшнего дня пьешь. В твоей комнате на тумбе. Когда был последний половой контакт?

– Я... не помню... Год... больше года...

Лицо горело: от пощечины, от стыда, от волнения и полного непонимания происходящего.

– Успокойся, – вопреки сказанному, голос его был холодным. – Сегодня ничего особенного я не планирую, если будешь послушной. Всерьез начнем завтра. Но достаточно времени на привыкание я тебе не дам.

Даже это вызывало облегчение. Сейчас я была такой испуганной, что отсрочка на несколько часов сделала меня счастливой. Но не успела я обрадоваться, как последовал приказ:

– Ложись на пол, раздвинь ноги и согни в коленях.

– Что?

Вторая пощечина была чуть сильнее предыдущей. Я прижала ладонь к щеке и поспешила выполнить распоряжение. Легла спиной на мягкий белый ковер, а сердце снова заколотилось, словно пыталось оглушить меня дробью.

– Ноги.

Я заставила себя принять унижительную позу. Зажмурилась на миг, но снова открыла глаза – уже знала, что он именно этого потребует.

Максим сел рядом боком, положил пальцы на мои губы, потом повел вниз – по шее, груди, животу, остановился на внутренней стороне бедра и надавил, заставляя раскрыться сильнее.

– Тебе стыдно? Отвечай.

Я старалась смотреть ему прямо в глаза, вся воля уходила только на это:

– Да, господин.

– Научись получать от этого удовольствие – себе же сделаешь лучше.
Расслабься, но глаза не закрывай, – я попыталась отпустить напряжение, но у меня не выходило. – Сейчас мне от тебя нужно только одно – и на сегодня будешь свободна. Мне нужно знать, как ты кончаешь.

И его пальцы тут же нырнули в промежность. Я дернулась.

– Я...

Он замер, прищурился:

– Говори.

– Я... не испытывала оргазм... раньше, – мне казалось, что очень важно это сказать сразу. Чтобы он не требовал от меня невозможного.

– Разве я разрешал тебе сводить ноги?

Никакого эффекта мое признание не возымело – ему было все равно. Я снова развела колени. Было мучительно стыдно, но я боялась вызвать его раздражение.

Пальцы внутри сначала погрузились немного во влагалище, а потом скользнули вверх. Сначала было неприятно, но потом они нашли точку, при прикосновении к которой мне захотелось скрутиться.

– Ноги, – сейчас он сказал совсем мягко, почти ласково.

Я же терялась, кое-как себя контролировала, чтобы не сжать бедра. Круговое движение заставило немного выгнуться. Еще один круг, нажим сильнее – вырвался стон.

– Тебе так нравится?

Я отрицательно мотнула головой. Но он только тихо рассмеялся. Следующий круг, а потом пальцы заскользили по маленькому участку, все быстрее. Бедра сами подались вверх, я закусила губу, чтобы не стонать.

– Смотри на меня, – снова мягко.

Выполняя его приказ, я не могла ни на чем сосредоточиться – невозможно одновременно пытаться смириться с растущим возбуждением, но при этом видеть, как он всматривается в мое лицо, ловя каждую реакцию. Пальцы внутри ускорились настолько, что я уже не могла сдерживаться: выгибалась, морщилась, будто мне было больно, мычала и иногда выдавала стон. Максим теперь держал мое колено другой рукой, не позволяя изменить положения.

– Давай же, кончи для меня.

Меня срывало. Я уже не могла сдерживаться и сама подавалась на пальцы – еще быстрее. Если бы он поцеловал меня, позволив отвлечься, если бы разрешил хотя бы закрыть глаза, то мне хватило бы секунды, чтобы достичь пика. Но меня словно подбрасывало на волну, а потом снова швыряло обратно – и поднимало на новой волне. И он не останавливался, только смотрел еще внимательнее.

Произошло все слишком неожиданно – за долю секунду все тело сжалось, а потом будто взорвалось. Рот открылся, но я даже стона не издала. Неконтролируемо зажмурилась, даже пальцы напряглись до боли, судорожно сжимая ворс. Еще два движения по клитору умелыми пальцами, выбивающими остатки оргазма, а я оцепенела от ощущений.

Едва расслышала очередное требование:

– Хорошо. А теперь поблагодари.

– Спасибо... господин, – прохрипела, как только смогла.

– Постарайся, чтобы в следующий раз это прозвучало искренне.

Он отпустил меня и поднялся на ноги. Я перекатилась на бок и свернулась, подтянув ноги. Слишком поздно, чтобы закрываться. Слишком стыдно, чтобы эта поза сейчас хоть немного помогла. Поэтому протянула руку, схватила свою одежду и попыталась встать.

– Все свои вещи, – он поддел ногой мои трусики и подкинул их мне, – убери в сумку и чтобы я их больше не видел. Надевать можешь только то, что найдешь в комнате, – он кивнул на крайнюю дверь. – Завтрак в восемь. До этого времени из комнаты не выходи. Все ясно?

Я только кивнула, пытаюсь как можно быстрее скрыться от его взгляда. А серьезное он, значит, оставил на завтра? Воскресенье – выходной. Впереди целый день, чтобы свести меня с ума.

Глава 4

Хотелось упасть на пол и расплакаться от бессилия, но я остановила себя: еще ничего не произошло такого, чтобы сразу расклеиться! Если Максим Александрович хочет меня сломать, то я ему такого удовольствия не доставлю!

Поэтому включила свет и огляделась. Комната была небольшой, но со всей необходимой мебелью – узкая кровать, туалетный столик, шкаф и дверь, ведущая в маленькую ванную. Я заметила блистер с таблетками и тут же проглотила одну: мне возможная беременность после всей этой истории нужна еще меньше, чем Максиму. Открыла шкаф, внутренне готовая увидеть там сколь угодно откровенные наряды, но даже с некоторым изумлением отметила: несколько висевших на плечиках платьев вовсе не были подчеркнуто открытыми. Немного короткие – я к таким не привыкла, но и не ассоциирующиеся с образом шлюхи. Я приложила к груди одно, светло-зеленое, на широких лямках, и пожала плечами – ничего особенного, в подобном на улице многих увидишь! Вот только нижнего белья нигде не обнаружила. Он приказал убрать все мои вещи, значит ли это, что я ничего не могу использовать? А может, он просто забыл о белье? Через секунду осознала: Максим Александрович ничего не забыл, а если спрошу об этом, то ударит или накажет каким-нибудь другим способом. Возможно, ему не нужно, чтобы я выглядела как шлюха – достаточно, чтобы я ею себя чувствовала.

Отмывалась в душе два часа, но вода напряжение смыть не способна. Но расклеиться я себе не позволила! Всего лишь первый день, дальше будет только хуже. Расклеюсь, когда все закончится: вернусь в свою квартиру, залезу под одеяло и прореву пять дней кряду. Но не раньше. Максим Александрович

считает меня слабой, да чего греха таить – я и сама всю жизнь так считала. Не настало ли время впервые хоть перед чем-то устоять?

Кровать была совсем небольшой, на одного человека, но меня смутили высокие спинки с металлическими рейками. Воображение легко подкинуло картинку, как можно их использовать, если под рукой есть наручники или крепкие веревки... Потрясла головой, отгоняя неприятные мысли. Спать придется голой – в шкафу не нашлось ничего, что можно было бы на себя накинуть и не бояться измять. Оглянулась на дверь, та не запиралась изнутри. Но с этим я тоже ничего поделать не могла.

Промучившись почти до самого рассвета, уснула, но через некоторое время снова открыла глаза. Около семи утра, а снаружи раздавался какой-то шум. Я хорошо помнила приказ не покидать комнаты до восьми, но любопытства не удержала. Тихонько приоткрыла дверь и выглянула в щелочку. Похоже, на кухне кто-то был: я точно расслышала, как звенят тарелки. Мелькнула фигура. Женщина, немолодая, по всей видимости, готовила завтрак. Ничего удивительного в этом я не нашла: кто-то готовит, кто-то убирает, вряд ли я считала, что Максим Александрович все по дому делает сам. Но мне бы очень не хотелось быть обнаруженной, поэтому я так же тихо прикрыла дверь. Унижение можно сделать в сто раз унижительней – если еще и будут тому свидетели.

Приняла душ, чтобы выглядеть немного бодрее после почти бессонной ночи, надела зеленое, расчесала волосы. Из зеркала на меня смотрело чужое лицо – бледное, застывшее, с равнодушно-отстраненными глазами. И будто впервые увидев себя со стороны, я отметила, что лицо это красиво. И стало бы прекрасным, добавь ему жизни. Натянуто улыбнулась – нет, так стало только хуже.

Без пяти восемь входная дверь хлопнула. У Максима Александровича даже кухарка выдрессирована! Ровно в указанное время я вышла из комнаты. Одновременно открылась и соседняя дверь.

– Доброе утро, Максим Александрович.

Он, как всегда, выглядел потрясающе – мокрые волосы добавляли и без того домашнему образу уютности. Но холодный голос вмиг разрушил приятную картинку:

- Господин.

- Доброе утро... господин.

Это слово при свете дня звучало совсем уж неуместно. Ночью еще можно убедить себя, что происходящее – игра, пусть и не слишком забавная. Но утром – это как признание, что у игры нет временных рамок, отчего она становится серьезней. Чтобы сгладить свою заминку, быстро добавила:

- Я могла бы готовить для вас! Или выполнять другую домашнюю работу – все, что прикажете... господин.

Надеялась, что он посчитает мое предложение шагом навстречу, но Максим Александрович уловил суть:

- Предпочитаю доверять профессионалам. А ты тут для других обязанностей – не получится выехать за счет видимости активной деятельности.

Да, я бы многое отдала, чтобы только стирать, гладить и вытирать пыль... Ведь это тоже считалось бы рабством! Он мог бы кричать на меня и отчитывать за подгоревший стейк – какое же, оказывается, наслаждение, когда на тебя просто кричат и отчитывают...

- Как скажете, господин, – я потупила взгляд, чтобы он не заметил разочарования.

- Завтрак готовит повар, она исчезает до восьми. Обедаю я обычно вне дома – в это время приходит домработница, наводит порядок. В пять приходит другой повар, варит ужин. Если знаешь распорядок, то ни с кем из них случайно не встретишься.

То, что у Максима Александровича все вокруг ходят по струнке, совсем не изумляет. Интересно, а как он наказывает повара за подгоревший стейк?.. "Никак", – ответила я сама себе. Увольняет в ту же секунду, а потом отыгрывается на таких, как я.

Я нерешительно посмотрела в сторону кухни. На столе были выставлены блюда под полукруглыми крышками. Интересно, он предложит мне позавтракать с ним или будет морить голодом? Я спокойно приму любой из вариантов. Лишь бы сегодняшний день пережить.

- Каждое утро у тебя будет одна обязанность. Сегодня и начнем.

Я уставилась на него, со страхом ожидая продолжения. Максим Александрович с интересом рассматривал меня – я уже знала этот взгляд, и сейчас точно речь не пойдет о бытовых мелочах.

- Сними платье и встань на колени.

Я неловко ухватила за подол, подняла вверх, потом рывком стянула одежду. Под которой, как и подразумевалось по правилам, не было ничего. Поежилась от собственной наготы, но опустилась на пол.

Он подошел ближе, остановился прямо передо мной:

- Расстегни.

Пояснений не требовалось – и без того понятно, о чем он говорит. У меня пальцы задрожали так сильно, что несколько раз споткнулись о пуговицу, а потом на молнии его джинсов. На этот раз Максим Александрович не торопил, ждал и будто наслаждался моей нерешительностью. На нем также не было нижнего белья. Едва я справилась с замком, Максим сам немного приспустил джинсы вниз, обнажая полувозбужденный член.

- Чего ты ждешь? Когда я сам себе минет сделаю?

Я подняла голову, но встретила только темный взгляд. Дыхание перехватывало. Я никогда ничего подобного раньше не делала и даже не примеряла на себя... Взять член в рот? Или попросить сначала, чтобы он хотя бы не кончал туда?

Максим нетерпеливо надавил мне на затылок:

- Помогай себе рукой, обхвати у основания.

Это я сделать могла. Член в ладони напрягся чуть сильнее. Я закрыла глаза, наклонилась и обхватила головку губами.

– Сначала оближи языком. Следи за зубами. Потом начинай двигаться и насаживайся как можно глубже. Если будешь помогать рукой, то все закончится быстрее.

Я провела языком по головке. Еще раз – чуть с большим нажимом. Член напрягался, я попробовала скользнуть рукой вдоль ствола и добилась очень скоро полной эрекции. От этого понимания спонтанно отстранилась, не в силах заставить себя продолжать.

– Это еще что такое? – поинтересовался Максим жестко.

Я отодвинулась еще немного. Было противно, но я заставила себя оправдываться, чтобы не разозлить его еще сильнее:

– Господин, пожалуйста! Я сейчас... сейчас возьму себя в руки. Я никогда этого не делала... сейчас!

Но едва взглянула на эрегированный член, неконтролируемо сжалась. И, вероятно, Максим Александрович заметил мою реакцию, поскольку мгновенно изменился. Он схватил меня за волосы и заставил подняться, бросил спиной на диван. Сам тут же навис сверху и упер член мне в губы.

– Рот открой.

И тут же надавил пальцами на щеки, обхватив лицо снизу – больно. Я была вынуждена приоткрыть, впуская. Он вошел резко, тут же назад и снова. Все ускоряясь, мощнее, толчками он трахал меня в рот, упершись руками в спинку дивана. Я сама не заметила, как вскинула ладони и вцепилась ему в бедра. Он замер.

– Руки убери за спину. Живо.

Я заставила выполнить приказ: сцепила руки за поясницей, отчего немного выгнулась вверх. Теперь ему стало удобнее проталкивать глубже, до самого

горла. Из глаз брызнули слезы, я давилась и задыхалась, а он все продолжал и продолжал. Так долго, что у меня уже все тело сводило от неудобной позы. Он не щадил, входил еще резче, с невероятным напором. Тихо застонал или зарычал, а член будто напрягся сильнее. Поняв, что сейчас он кончит, не задумываясь о последствиях, попыталась извернуться, но он снова схватил меня за подбородок и до боли надавил на щеки над нижней челюстью. В горло дала струя спермы, еще толчок, еще. И только после этого он вытащил член изо рта. Зажал мои губы рукой и наклонился, чтобы я видела его глаза:

– Глотай.

У меня и выбора не оставалось, хотела вытереть слезы, но руки за спиной будто онемели.

– Поблагодари.

Я зажмурилась – просто не смогла бы произнести, глядя на него:

– Спасибо... господин.

– Теперь одевайся и пошли за стол.

Меня всю трясло, когда я тянулась за платьем. Максим так и стоял передо мной, спокойно застегивая джинсы.

– Понравилось? – я не ответила. – Так вот, каждое утро ты добровольно делаешь мне минет. И если вдруг я снова увижу брезгливое выражение лица, то мы повторим сегодняшнее – мне, в общем-то, все равно. А тебе?

Съесть за завтраком я так ничего и не смогла. Ковырялась вилкой в салате, чтобы не привлекать к себе внимания. Выпила, правда, три стакана сока, и только на последнем руки не дрожали так заметно, как вначале. На Максима Александровича я не смотрела.

Через пятнадцать минут напряженного молчания, Максим заговорил будничным тоном:

– На обед поедem в ресторан. Если нужно что-то купить – скажи. Будь готова к двенадцати. До тех пор можешь быть свободна.

Уже через секунду после этого распоряжения я скрылась в своей комнате.

Глава 5

Вместо того, чтобы терзаться и окончательно запинывать себя морально, я зарылась в одеяло и уснула, предварительно заведя будильник на одиннадцать. И только-только крепко уснула, как пришло время подниматься.

Я выбрала самое закрытое платье – темное, с довольно пышной короткой юбкой. К счастью, нашлись и чулки. Я долго сомневалась, стоит ли доставать из сумки трусики, но потом отказалась от этой идеи – боялась разозлить. В конце концов, я ведь одета, никто и не заметит... а вот если заметит он... Даже предполагать не хотелось, что тогда будет.

И не ошиблась. В прихожей Максим запустил руку мне под подол и сжал ягодицу.

– Хорошая девочка, понятливая. В офис тоже нельзя – ты должна кожей ощущать, что я могу тебя взять в любой момент, когда захочу. Это просто маленькое напоминание.

«В офис?» – но этот вопрос я не произнесла вслух. Все-таки Максим Александрович теперь пугал меня в достаточной степени, чтобы я не забыла о правилах. Не нарываться хотя бы там, где могу. Он протянул мне короткий плащик – тоже не мой, но размер, как и в случае платьев, подошел. Наверное, предпочитает девушек одинаковой комплекции. Или покупал всю эту одежду специально для меня? Об этом я тоже спрашивать не собиралась.

Правда, едва мы вышли за дверь, подставил мне локоть. Я осторожно взялась и пошла с ним рядом.

– За пределами квартиры правила меняются, – он почему-то широко улыбался. – Нет, ты в любом месте подчиняешься мне и не споришь, но обращаешься иначе, можешь говорить о том, что волнует, и задавать вопросы.

– И вы ответите? – недовольно буркнула я. Ну, раз уж разрешил!

– Отвечу или нет, но не накажу. Ясно?

– Более чем.

То есть за порогом я становлюсь почти человеком? Не в полном, конечно, воплощении, но хотя бы не с заткнутым ртом. Тем не менее разговаривать все равно не хотелось.

Я молчала, пока мы ехали куда-то – мне было безразлично куда. Я только наблюдала в боковое окно за пролетающими мимо зданиями: живет себе город, шумит, людей укутывает пока еще теплыми ветрами, и не подозревает, что иногда происходит за закрытыми дверями. В моем случае я этому была только рада.

В ресторан мы вошли также под руку. Красивое место, шикарное, но посетителей в дневное время немного. Максим Александрович сразу повернул в сторону и направился к дальнему столику возле стены – очевидно, это его место. Подлетевший официант мое предположение подтвердил:

– Максим Александрович, добрый день! Сегодня у нас чудесная тушеная говядина. Вам пока подать обычный салат?

– Нет. Неси вино. Шато... или что там первое попадетя.

Уже через полминуты официант вернулся с бутылкой и меню. Хотел разлить, но Максим махнул рукой – парень тут же испарился, будто его и не было.

Максим Александрович сам наполнил бокалы, один пододвинул мне.

– Пей.

Я послушно сделала глоток. На вкус очень приятное, терпкое, но не до вязкости – в другой бы обстановке и в компании другого человека я бы восхищалась вслух. Я не самый большой любитель алкоголя, да и пьянею быстро. Виною тому и недостаток опыта: дома спиртное не приветствовалось, и я никогда не бывала частью какой-то шумной компании, даже в студенческие годы. Не то чтобы меня игнорировали, просто я сама этого избегала. И снова винить можно только свою зажатость...

– Нравится? – в ответ я просто пожала плечами. – Что будешь заказывать?

Я только бросила взгляд на золоченую папку, но не хотела ее открывать:

– На ваш вкус, Максим Александрович.

Он улыбнулся так, будто пребывал в лучшем настроении, кивнул, подозвал официанта, заказал говядину и еще что-то – я не расслышала.

– Пей, – Максим кивнул на бокал.

Я сделала еще пару маленьких глотков. Хочет меня напоить? Чтобы в следующий раз, когда ему приспичит меня унижить, меня вырвало? Или тошнить меня будет тоже по его команде? Почему-то эта мысль нерационально рассмешила. Я ухватила бокал и залпом допила до дна. На голодный желудок подействовало почти сразу – даже в голове зашумело. Максим Александрович, не отрывая взгляда от моего лица, подлил еще.

– Мне не нравится твой настрой, – сказал он, но даже улыбаться не перестал. – Но все же спрошу – ты не против, если о наших отношениях узнают в офисе? У нас всего две недели, будет жаль тратить время впустую.

О каких еще отношениях?! Если он про утреннее, то я, само собой, против, да еще как! Внутри снова все сжалось, однако вино свое дело делало – расслабляло и заставляло говорить, хотя изначально я намеревалась от молчаться. Вместо прямого ответа, зачем-то спросила о другом:

– То есть в офис я ходить буду? Вы не придумаете мне отпуск или какой-нибудь больничный?

Максим откинулся на спинку стула и рассмеялся тихо:

– А ведь неплохая идея! Может, и мне в отпуск уйти? Тогда все две недели мы сможем побыть наедине. Романтично звучит.

– Нет-нет! – в страхе воскликнула я и даже руками замахала. – Я хочу ходить в офис! Очень хочу!

Теперь он смеялся громче:

– Договорились. Но если вдруг захочешь видеть меня чаще – только скажи. Что-нибудь придумаем.

Я сделала большой глоток вина, чтобы не произнести вслух, насколько часто я хотела бы его видеть... Но спохватилась:

– И мне не нужно, чтобы кто-то на работе узнал! Все же договор двухнедельный, я хотела бы по истечении срока вернуться к прежней жизни.

– Тогда попроси.

Я непонимающе смотрела на него, но произнесла:

– Я прошу вас... не афишировать на работе... то, что сейчас происходит. Пожалуйста.

– Договорились. Тогда будешь выходить из моей машины за квартал до офиса, и там же тебя буду подбирать после работы. Сойдет?

– И что – вот так просто? – я не могла поверить.

Он наклонился вперед и ответил:

– Ну что, начинаешь понимать правила? Проси, если хочешь попросить, и я буду стараться идти навстречу. При условии, если буду доволен всем остальным, конечно. Кстати, как ты себя чувствуешь без нижнего белья в общественном

месте?

Так вот, оказывается, чем именно я заслужила милость? Ощущала я себя неловко – когда шла по залу, так и казалось, что короткая юбка может колыхнуться, подняться выше. Но после того, как села, на время даже позабыла о дискомфорте. Сейчас же, от подчеркнутого напоминания, лицо начало гореть – «ты должна кожей ощущать, что я могу взять тебя в любой момент...»

– Нормально чувствую, – соврала я. Но его настроение можно использовать. Какой смысл показывать характер, если он все равно останется главным? Поэтому я заставила себя улыбнуться. – Так я могу спрашивать о чем угодно?

– Не факт, что отвечу, но да, можешь. Врать я не люблю, если тебе интересно, поэтому просто остановлю, если ты перегнешь палку.

Подошедший официант выставил на стол нарезки и салаты, а потом снова растворился. Я переставила тарелку к себе поближе, только теперь почувствовав, насколько голодна.

– У вас есть кто-нибудь...

– Кто? – его глаза смеялись. – Формулируй четче.

– Ну... девушка?

– Постоянная нижняя? – я кивнула. Пусть называет своих сексуальных партнеров какими угодно унижительными прозвищами. Он задумчиво посмотрел вверх. – Есть, но нельзя сказать, что мы в полном смысле вместе. Просто встречаемся, довольно регулярно, но наши отношения ограничиваются только сессиями. И в нашем с ней договоре верность не указана.

– Это... странно.

– Что именно? – его улыбка привлекает внимание – и обескураживает. – Ты считаешь, что доминант обязан быть собственником?

– Не-ет, – протянула я и тоже начала улыбаться. – Странно, что кто-то по доброй воле на такое соглашается.

Я осеклась – разозлится ли на такое? Но сказанное назад не воротишь. Однако Максим Александрович по-прежнему улыбался:

– На какое – такое? Ты себя с обычным сабом не сравнивай. Если бы сразу все пошло иначе, то я поначалу был бы с тобой мягче. В Тему вовлекают медленно, позволяя привыкать. Но потом... конечно, тебе это сложно представить, но многие испытывают настоящее удовольствие от подчинения. Сексуальное, моральное. Это не так уж и страшно – отдаться кому-то с потрохами, но надо человеку доверять полностью. И, конечно, с настоящим сабом сначала обсуждается, что приемлемо, а что нет.

То ли вино, то ли его доброжелательность развязывала язык:

– Вы мне мстите? За то, что я тогда... так грубо высказалась?

– Не мщу. Ломаю пороги. Ты слишком зажата, чтобы все прошло легко, слишком далека была от этой мысли.

Теперь мне уже хотелось рассмеяться:

– И вы думаете, что после произошедшего я смогу спокойно все принять?

– Нет. Мне все равно. Ты через две недели убежишь и, возможно, будешь так переживать, что даже уволишься. Я не могу этому помешать. И не хочу. В самом начале я ошибся в тебе, но ведь ты сама принесла себя на блюдо.

– Это ничего, ничего... – сказала я самой себе, но почему-то вслух. Чтобы замять неловкость, переключилась на первую пришедшую на ум тему: – Я еще и кредит в банке взяла. Хорошо, что у них проценты... ниже, чем у вас.

Максим Александрович рассмеялся:

– Если вдруг решишь и ту проблему разом закрыть, то можем просто продлить сделку.

– Нет уж. Я лучше банку должна буду, – буркнула себе под нос. Зачем я вообще обо всем этом говорю? Будто ему интересны мои проблемы! Всему виной алкоголь.

Он же выглядел расслабленным, словно ничего особенно страшного никогда в жизни не делал. Да и тему мы затронули неподходящую. Если уж очень хорошо вдуматься, то Максим Александрович выложил немало за то, чтобы пользоваться мною на всю катушку. На панели мне вряд ли пришлось бы слаще... Да, точно, проблема в вине, если я вдруг стала способна представить себя на панели. Хотя в чем принципиальная разница?

– Почему ты выбрала рекламный бизнес?

Вопрос был неожиданным и заинтересовал своей возможной подоплекой. Поэтому я переспросила:

– Вы думаете, что я не подхожу?

– Если бы не подходила, то узнала бы об этом первой. Так почему?

Ответ я обдумала задолго до этого разговора, потому и сейчас слова потекли, заранее готовые:

– Я понимаю, что со стороны может выглядеть так, будто я не на своем месте. В этой сфере все... они не только яркие идеи способны выдвигать, но и сами по себе яркие. Я отличаюсь, но зажигает сам творческий процесс... когда ты чувствуешь, что в каждом слове должен быть вес, что только лишь удачная подборка цвета принесет заказчику прибыль. Это сфера для скрупулезных, способных концентрироваться на самой ничтожной на первый взгляд. И я именно такая... – я настолько отвлеклась, что забыла, кому это говорю. Потому закончила сухо: – Ну, вы это лучше меня знаете.

– Знаю. И тем не менее рад, услышать это от кого-то еще. А то мне иногда кажется, что я свое дело идеализирую. Приятно встретить фанатика похлеще.

– Я не фанатик! Не смейтесь...

– Разве я смеюсь? Так что там насчет кредита? По моим подсчетам – два дня.

Судя по лукавой улыбке, он скорее шутил и не рассчитывал на немедленное согласие. Поэтому я неловко улыбнулась в ответ и покачала головой. На самом деле, если бы он всегда был вот таким, как сейчас, то я могла хотя бы задуматься о возможности. Конечно, с очень-очень многими пунктами «недопустимого». Но ведь этот же самый человек совсем недавно... По коже снова пробежались неприятные мурашки. Значит, ломает пороги? Мило. А я все же уверена, что мстит. Отвела взгляд:

– Вы должны знать, что тогда... ну, когда вы впервые мне предложили.... там просто столько всего накопилось... Я не хотела быть грубой.

– Звучит, как оправдание, – перебил он и внезапно его голос снова стал мягким. – Раз ты позволила себе задавать откровенные вопросы, то и я сделаю то же.

– Что вас интересует? – напряглась я непонятно отчего.

– Как тебе еда?

Я даже не заметила, что официант уже доставил основное блюдо! Тут же схватила вилку. Первый же кусочек растаял во рту – нежнейшее мясо. Я и забыла про собеседника на несколько минут. И только потом вспомнила, что оставила вопрос без ответа:

– Сносно. А вам?

Он на секунду закусил губу и от этого стал похож на озорного мальчишку – от изменения его образа у меня путались мысли.

– Знаешь, что в тебе неправильно? Ты постоянно врешь, не хочешь быть откровенной, закрываешься. Это недопустимо, если бы мы хотели выстроить связь.

– Связь? – я все же позволила себе рассмеяться и снова взяла бокал. – С вами?!

– Сделаем вид, что я не заметил этого тона. И я не мщу тебе. Ты сама себе это придумала, потому что так проще смириться.

Веселиться сразу расхотелось. Я сделала глоток и поперхнулась. Слишком сильно расслабилась, и, вместо того, чтобы использовать его настроение себе во благо, только лишь все усугубила.

До конца обеда я старалась больше не открывать рта. В ресторане мы провели не больше часа, но это время я могла бы назвать приятным. Даже страх ненадолго позабылся, что в моем случае многого стоит! На крыльце Максим Александрович щелкнул пультом, и припаркованная машина отозвалась в ответ. Может быть, попросить его купить что-то из одежды или косметики? Без разницы что именно, лишь оттянуть возвращение в квартиру! Ведь он говорил, чтобы я просила! Но я так и не решилась: попроси я сейчас, то получилось бы, что я уже играю по его правилам. Пусть он бы только обрадовался, но я сама пока к этому не была готова. Он обернулся, заметив мою заминку, снова улыбнулся, а потом шагнул, обнял за талию, притянул к себе.

И поцеловал. Сначала нежно коснулся губ, но почти сразу усилил напор, открывая языком рот, погружаясь в него. Я уже через пару мгновений забыла, что он за человек и об отношении к нему. Свою роль сыграло и вино, именно оно провоцировало скорее расслабиться, чем напрячься. Ответила почти так же порывисто, обняла руками за шею и прильнула всем телом. Максим целовал страстно, не позволяя перехватить инициативу – и от этого сбивался дух. Я потерялась в пространстве, утопая в ощущениях, но он оторвался от моих губ, заставив недовольно выдохнуть, и наклонился к уху:

– А моя девочка, оказывается, не такая уж и холодная.

В этот момент мне было наплевать на издевку. Я поднялась на цыпочки и потянулась к его губам. Если он будет так меня целовать, то на некоторые вещи я пойду уже с гораздо большим энтузиазмом. Но он остановил меня резко, оттолкнув, и остудил окончательно совсем другим голосом, возвращения которого я так опасалась:

– Нельзя. Я могу тебя целовать, ты не можешь ко мне прикасаться, пока не разрешу. Ясно?

– Простите, я не знала... Больше такого не повторится, – меня оставили последние силы. Какое счастье, что хотя бы тут он не требует смотреть ему в глаза.

– Умница. Хочешь еще куда-нибудь?

– Куда прикажете.

– Учишься на ходу. Тогда заедем в один салон. Хочу, чтобы ты сделала полную эпиляцию бикини. Ты же не против?

– Как прикажете, Максим Александрович.

Мне на самом деле было все равно. Да я готова на какие угодно мероприятия, лишь бы не оставаться с ним наедине.

Процедура оказалась немного болезненной. В салоне я до сих пор эпиляцию не делала, поэтому с удовольствием отвлекалась на вежливые обращения и приятные запахи. Среди этих милых девушек я могла бы провести еще сутки кряду, но договор диктует свои правила. После процедуры кожа горела, соприкасаясь с жесткой тканью платья. Я вышла в холл, где за чашкой кофе и под пронизывающими взглядами сотрудниц меня ожидал Максим Александрович. Он молча встал и направился к выходу, я поспешила следом. Теперь я не могла угадать, в каком он настроении, поэтому и сама не решалась нарушить молчание.

А перед дверью квартиры снова замерла. Еще два шага – и правила снова изменятся. Он, не оборачиваясь, вошел, оставив дверь открытой. Чего он пытался добиться в ресторане? Сбить меня с толку? Запутать в эмоциях, чтобы я не могла сформулировать ни единой однозначной? Показать, что если я буду послушной, то и он станет ко мне добрее? Еще два шага. Еще два.

И думать ведь было не о чем! Намного легче не думать вовсе. Я заставила себя пройти, прикрыла за собой дверь. Максим Александрович только теперь посмотрел на меня и сделал вид, что заминки моей не заметил:

– Мне нужно поработать. Ужин в семь. Не опаздывай. А пока делай, что хочешь, только не шуми.

– А я... господин, можно спросить?

– Говори.

– Я могу уйти? Прогуляться.

– Нет. Будь тут, ты можешь понадобиться в любой момент, – и улыбнулся – почти приветливо, но я от этой фразы съежилась и поспешила спрятаться в своей незапирающейся комнате.

А ведь это скучно – часами сидеть без дела. Я уже позвонила родителям и Денису. Брат предположил, что я обзавелась парнем – он заезжал ко мне вечером, но дома не застал. Я не стала отрицать, радуясь хотя бы тому, что голос его стал бодрее. И из кафе его до сих пор не вышвырнули – уже почти неделю работает, рекорд! Оставалось надеяться, что случившееся его изменит. А теперь же меня сильно раздражал его веселый тон: каково, интересно, чувствовать себя таким живым, после «простого разрешения всех проблем»?

В комнате моей не было ни телевизора, ни ноутбука. Погоняла на телефоне змейку, пока не начало укачивать, сходила в душ, попрыгала на месте, посидела на полу. Может, все-таки стоит что-то попросить у Максима Александровича? Например, книги. Если бы сейчас под рукой оказалась книга – на этот момент сошла бы любая – то время тянулось бы не так медленно. В пять часов вечера по стуку входной двери я поняла, что пришел повар – теперь если даже захочу выйти в гостиную и посмотреть телевизор, то на глазах постороннего себя не заставлю.

Выбрала из шкафа самое удобное платье – буду в комнате ходить в нем за неимением чего-то более подходящего. Внешне нарядное, из красного шелка, оно было хотя бы комфортным. В конце концов, явных правил относительно моего личного убежища не поступало. Завернулась в одеяло и предалась

очередным неприятным мыслям. И не заметила, как уснула.

Проснулась от тревожного чувства: такое бывает, когда еще не открыл глаза, но ощущаешь, что атмосфера изменилась. Мгновенно придя в себя, подскочила на месте. Максим Александрович, придвинув вплотную стул к кровати, сидел и смотрел на меня. Он сложил руки на груди и, заметив, что я проснулась, позы не изменил. Только прищурился сильнее.

– Кажется, я сказал, что ужин в семь.

Бегло глянула на экран телефона: 20:37.

– Простите... – оправдываться смысла нет – он и без того видит причину моего опоздания. Пусть просто лишит меня ужина! Я ведь опоздала! Вполне заслужила поголодать тут. В одиночестве.

Он наклонился, ухватил одеяло за угол и откинул. Я сжалась и спонтанно поправила подол платья, натягивая его на бедро.

– Сними.

Чего-то подобного я подсознательно со страхом и ожидала. Максим Александрович умеет быть жестоким. Но, возможно, ничего особенно страшного не произойдет, если я постараюсь создать видимость полного подчинения?

Стянула платье и откинула. Села прямо и заставила себя убрать руки, открывая грудь. Проследила за его взглядом и, без команды, раздвинула ноги. Если хочет смотреть, то все равно увидит – так не лучше ли разыграть покорность? Он тут же посмотрел мне в глаза, пристально, внимательно, и во взгляде что-то неуловимо изменилось. Но молчал, будто ждал дальнейших действий, а я не предполагала, что должна делать для сохранения этого эффекта – Максим Александрович был доволен. Встать на колени, посмотреть снизу вверх? Или наоборот, без приказа не шевелиться?

– Иди сюда, – он позвал совсем тихо.

Я встала перед ним, но теперь и боялась сильнее. Захотелось обхватить себя руками, но я удержалась от порыва.

- Ты опоздала на ужин.

Понятно. Такие вещи его выводят из себя – я это и раньше предполагала. Будет наказание? Я задрожала от ожидания неизбежного, хотя Максим не выглядел раздраженным. Нет, скорее сосредоточенным. И тут я вдруг отчетливо поняла, что должна сделать! Со всей очевидностью мозг выхватил один вариант из миллиона – то, что я в этой ситуации просто обязана сделать, и этим самым свести все возможные последствия к минимуму!

- Накажите меня, господин.

Я не просто угадала – я выбила десятку: Максим коротко выдохнул. Он этого не покажет, но я теперь знала наверняка, будто мысли его читала – в этот самый момент я свожу его с ума! Он не улыбнется, он уже что-то придумал – и мне это не понравится. Но его напряжение сейчас висело в воздухе, и оттого у меня внизу живота тоже затянуло, как реакция на его реакцию.

Но он вдруг расслабился и откинулся на спинку, лениво выводя круги пальцем по бедру. Напряжение будто в один миг растаяло бесследно.

- Чего ты боишься больше всего? Из того, что я могу с тобой сделать.

Вопрос выбил из колеи. Что он может со мной сделать? Кажется, я даже плети не боюсь настолько сильно, как... Почему он спрашивает? Если я назову, то тут же это и получу?

- Я... я... господин...

- Порки? Нет, когда ты шла сюда, то настраивалась именно на что-то подобное, – он сам же отвечал задумчиво на свои вопросы. – Секса? Вряд ли. Тебя возможность еще большей близости со мной сильно смущает, но если бы ты была с собой откровенна, то уже призналась бы себе, что ждешь этого. Скоро будешь осознанно хотеть. Потому тоже отложим. Минета? Спермы во рту? Но уже завтра утром тебе придется, и к тому времени ты настроишь себя... Боли?

Растяжки? Игрушек? Чего? Анального секса? – он вдруг улыбнулся. – О, попал. Какие у нас круглые бывают глазки! Значит, анальный секс пугает тебя больше всего остального?

– Господин...

– Встань на четвереньки и ляг грудью на кровать. Не поворачивайся.

Я опустилась на пол, но затряслась сильнее. Он просто ждал: возражу – накажет, буду медлить – разозлится... и все равно накажет. Повернулась на коленях и легла на край.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/orlova_tal-yana/podchinenie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)